

Чувственное восприятие как способ создания образа в повести Пантелеймона Романова «Детство»

И.В. Сотникова✉

Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

✉ irensot14@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В связи с возросшим интересом к творчеству недооценённого ранее Пантелеймона Романова, представителя лирико-психологической прозы, оказываются актуальны дальнейшие исследования художественного метода писателя. В контексте углублённого рассмотрения способов создания пространства в художественном произведении становится значимым изучение такого авторского приёма как чувственное отражение образа в сознании героя и читателя. **Цель.** Изучение чувственного восприятия образа как одного из приёмов художественного метода Пантелеймона Романова на примере повести «Детство». **Гипотеза.** В ольфакторное пространство «Детства» П. Романов заложил ценностное отношение. Писатель на уровне запаха изображает духовный путь героя, его нравственный выбор. Развитие ольфакторного пространства является способом раскрытия психологизма героя. Создание ольфакторного, осязательного, вкусового пространств вокруг объекта описания является одним из значимых художественных методов в повести «Детство». Воздействие на органы чувств при создании художественного образа позволяет автору быть лаконичным, не теряя при этом выразительности, а также добиваться более глубокого погружения читателя в художественное пространство. **Методы и материалы.** В исследовании были использованы биографический (для изучения связи физиологических особенностей писателя с реализуемыми им приёмами создания образа), описательно-функциональный (с целью изучения чувственно воспринимаемого образа как элемента художественного мира) и психологический (рассмотрение художественного образа через выявление психических процессов (эмоций, ассоциаций) в сознании автора и читателя) методы. Материалом для исследования выступает повесть Пантелеймона Романова «Детство» (1926) и архивные данные РГАЛИ. **Результаты.** Результатом исследования становится подтверждение мысли о том, что использование чувственного восприятия при создании образа является важным приёмом при описании пространства, позволяет П. Романову добиться яркости, зримости образа. Чувственное пространство становится способом

раскрытия психологизма героя, а также связующим элементом между произведением и читателем. **Выводы.** Обращение П. Романова к чувственному восприятию образа становится отличительной особенностью художественного метода автора при создании пространства и отражении внутреннего мира героев повести «Детство». Использование приемов, основанных на обонятельных, осязательных и вкусовых рецепторах, позволило П. Романову создать яркие художественные образы, близкие широкому кругу читателей. Это не только оживило само произведение, но и увеличило его художественную достоверность, а писателю позволило быть кратким, немногословным.

Ключевые слова: чувственное восприятие, ароматические оппозиции, ольфакторное пространство, ольфакторные, осязательные и вкусовые образы, ароматический ореол образа, художественный метод

Для цитирования: Сотникова, И.В. (2025). Чувственное восприятие как способ создания образа в повести Пантелеймона Романова «Детство». *Язык и текст*, 12(3), 64—76. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120306>

Sensory perception as a way of creating an image in the story "Childhood" by Panteleimon Romanov

I. V. Sotnikova¹✉

¹ Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

✉ irensot14@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. Due to the increased interest in the work of the previously underestimated Panteleimon Romanov, a representative of lyrical and psychological prose, further research of the writer's artistic method is relevant. In the context of an in-depth consideration of ways of creating space in a work of art, it becomes significant to study such an author's technique as a sensual reflection of the image in the minds of the hero and the reader. **Goal.** The study of the sensory perception of an image as one of the techniques of the artistic method of Panteleimon Romanov on the example of the story "Childhood". **Hypothesis.** The impact on the senses when creating an artistic image allows the author to be concise, without losing expressiveness, as well as to achieve a deeper immersion of the reader in space. **Methods and materials.** The study used biographical (to study the connection between the physiological characteristics of the writer and the techniques of image creation implemented by him), descriptive-functional (to study the sensually perceived image as an element of the artistic world) and psychological (consideration of the artistic image through the identification of mental processes (emotions, associations) in the minds of the author and the reader) methods. The research is based on Panteleimon Romanov's novella "Childhood" (1928) and archival data of the Russian State Institute of Physics and Technology. **Results.** The result of the research is the confirmation of the idea that the use of sensory perception in creating an image is an important technique in describing space, which allows P. Romanov to achieve brightness and visibility of the image. Sensory space

becomes a way to reveal the hero's psychology, as well as a connecting element between the work and the reader. **Conclusions.** P. Romanov's appeal to the sensory perception of the image becomes a distinctive feature of the author's artistic method in creating space and reflecting the inner world of the heroes of the story "Childhood". The use of techniques based on olfactory, tactile and taste receptors allowed P. Romanov to create vivid artistic images that are close to a wide range of readers. This not only enlivened the work itself, but also increased its artistic authenticity, and allowed the writer to be brief and laconic.

Keywords: sensory perception, aromatic oppositions, olfactory space, olfactory, tactile, and gustatory images, aromatic halo of the image, artistic method

For citation: Sotnikova, I.V. (2025). Sensory perception as a way of creating an image in the story "Childhood" by Panteleimon Romanov. *Language and Text*, 12(3), 64—76. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120306>

Введение

Проведение анализа ольфакторных, осязательных и вкусовых образов в повести Пантелеймона Романова «Детство» позволит выявить особенности художественного метода автора. Проблема вербализации запахов и других чувственных восприятий в художественной литературе является одним из актуальных направлений современного литературоведения. Многие исследователи, как и автор настоящей работы, отмечают, что запахи в тексте выступают в качестве средства художественной выразительности, помогают понять глубинные смыслы произведения, часто имеют символическое значение. Зыховская Н.Л. в своей диссертации анализирует запахи как пространство, где соединяется духовное и материальное (Зыховская, 2016). Она отмечает, что мир запахов в русской литературе выступает как способ постижения духовности человека. Бельская А.А. рассматривает запахи в контексте женских образов в прозе И. Тургенева и обозначает запахи как важное изобразительно-выразительное средство, которое служит характеристике героинь, обогащает положительные или негативные оценки автора, воздействует на чувства читателя, инициирует ассоциации, вносит в текст метафорический или символический смысл (Бельская, 2017). Головачёва А.Г. анализирует художественное пространство повести «Степь» и рассказа «Ионыч» А.П. Чехова, взяв в качестве точки отсчета одорический образ (Головачёва, 2013). Исследователь разделяет топос на ряд локусов, с присущим каждому запахом. Она приходит к выводу, что одорические образы образуют систему, в которой происходят пространственные перемещения героев, что помогает глубже понять метаморфозы в поведении героев. Важной для настоящего исследования является работа Карасёва Л.В., в которой запахи и звуки рассматриваются как выразительный приём воздействия на читателя (Карасёв, 2013). Автор отмечает, что Чехов часто соединяет запахи и что-либо зримое, слышимое и осязаемое, а также дает частый акцент именно на двух запахах сразу. Карасёв Л.В. также обосновывает выбор Чехова. По Карасёву, упоминание двух заметно отличающихся друг от друга запахов делает пространственную картину объемной при минимуме изобразительных средств. Ануфриева А.А., также исследуя прозу Чехова, приходит к выводу, что запахи могут создавать сюжетное напряжение, как в рассказе-анекдоте «На гвозде», то есть запахи способны создавать динамику и выполнять сюжетную функцию (Ануфриева, 2024).

Как и в работах упомянутых исследователей, автор настоящей работы опирается на понимание чувственного восприятия как элемента символического, позволяющего понять скрытые от поверхностного взгляда смыслы произведения. Однако в приведённой работе представлено подробное исследование чувственного значения восприятия в повести Пантелеймона Романова «Детство», а также упоминаются физиологические возможности самого писателя Романова и его пристальное внимание к осязанию, обонянию, вкусу. Также автор настоящего исследования опирается в работе на созданные Романовым ароматические оппозиции как способ создания атмосферы художественного пространства.

Гипотезу исследования составляет предположение о том, что художественное пространство произведения можно проанализировать, выбрав в качестве точки отсчёта такой элемент поэтики, как ольфакторные, вкусовые и осязательные образы. Дополнительной гипотезой является мысль, что чувственно воспринимаемый образ становится символом, связанным с глубинным смыслом произведения. Цель исследования – рассмотрение чувственно воспринимаемых образов в повести П. Романова «Детство» в качестве элементов создания художественного пространства.

Материалы и методы

В работе использован текст повести Пантелеймона Романова «Детство», а также биографические факты, взятые из архивных материалов (РГАЛИ. Фонд 1281). Методологию исследования составили:

1. Описательно-функциональный метод – анализ художественных деталей с учетом их функций, роли в раскрытии смысла произведения и в создании пространства;
2. Психологический метод – рассмотрение художественного образа через выявление психических процессов (эмоций, ассоциаций) в сознании автора и читателя;
3. Биографический метод – анализ элементов произведения с учетом физиологических особенностей писателя и с опорой на архивные данные о его (писателя) методике работы.

С каждым годом все большее количество людей открывает для себя имя талантливого классика русской литературы, мастера художественного слова, чьими произведениями зачитывались в 20-30-х годы прошлого столетия. А после 1938 года имя Пантелеймона Романова подверглось искусственному забвению. И только в период перестройки, гласности были сняты многие запреты. Именно тогда читатель получил возможность познакомиться с этим писателем.

Одним из самых известных произведений Пантелеймона Романова является повесть «Детство», в которой герой вспоминает свою жизнь в традиционной патриархальной России и осознаёт жизненный путь от безгрешного детства к искушениям отрочества.

Писатель, широко известный при жизни не только в России, но и за ее пределами, проводил собственные исследования закономерностей художественного текста. Самыми важными для Пантелеймона Романова были исследования «Постановка зрения. Метод творческого развития» (РГАЛИ. Фонд 1281. Оп. 1. Ед. хр. 65–72) и «Наука зрения», которые так и остались незавершенными. «Наука зрения» была частично опубликована в издательстве «Совпадение» в 2007 году со вступительной статьей С.С. Никоненко. В книге отмечалось (Романов, 2007, с. 304), что «Наука зрения» публикуется по одному из нескольких вариантов рукописи писателя.

Одним из главных принципов художественного метода П. Романова было напоминание. Писатель считал, что для изображения нужно брать не исключительные вещи, а непременно то, что всем хорошо знакомо. В одном из своих исследований он писал: «...Главная тайна творческого изображения заключена не в умении хорошо, стилистически красиво обрисовать любой предмет, — она заключена в умении находить вещи, имеющие прочное, при определенных условиях, существование» (РГАЛИ. Фонд 1281. Оп. 1. Ед. хр.68. Л. 10). Только в этом случае читатель, если ему намекнуть на данную общеизвестную черту, сможет вспомнить весь предмет и все свои ощущения, связанные с ним. П. Романов акцентирует внимание на этих «намёках». Писатель вывел собственные приемы воздействия на органы чувств читателя и использовал это при создании художественного образа.

Стоит отметить, что П. Романов имел физический недостаток (отсутствие барабанных перепонок), который повлиял на его мировоззрение и творчество в целом. Его слух никак нельзя было назвать стопроцентным (по этой причине П. Романов не подлежал мобилизации ни на империалистическую, ни на гражданскую войны), хотя он играл на музыкальных инструментах, серьезно занимался вокалом, был великолепным исполнителем своих произведений. По мнению врачей, такие случаи имеют место в медицинской практике. Данные пациенты слышат. Они имеют так называемый «костный» слух. Колебания воздуха передаются через кость. У этих людей развивается внутренний слух. Как, например, у гениального, глухого от рождения, композитора Й.С. Баха. Как правило, по принципу компенсации у таких людей в большей степени развиты другие органы чувств. Я полагаю, что этим объясняется первая причина активного использования органов чувств в качестве приемов художественной выразительности. Второй является то, что П. Романов со школьной скамьи начал работать со словом, пытаясь научиться писать, как классики. Внимательно анализируя их тексты, он приходит к выявлению законов написания произведений: «...Я, к удивлению своему, в самом тексте нашел ключи к тому, чего тщетно искал. В течение пятнадцати лет я, шаг за шагом, проникал в эту темную среду. Я увидел, что так называемый талант отличается тем, что в каждом своем шаге сознательно или бессознательно выполняет тот или иной закон. Таким образом, творчество вовсе не является зыбкой, не поддающейся исследованию почвой, а, наоборот, от начала до конца подчинено вполне определенным законам, которые мы можем исследовать» (РГАЛИ. Фонд 1281. Оп.1. Ед.хр.69 л.1).

Особое внимание П. Романов уделял запахам как эффективному средству художественной выразительности. Все «Детство» построено на этом приеме. Запах трудно описать. Но человеческая память хранит определенные ассоциации, связанные с ним. Если он хорошо знаком, то писатель дает лишь его название: «душистое, свежее сено» (Романов, 1991, с. 139), «запах зрелого яблока» (Романов, 1991, с. 139), «пахнет морозом и дымом от затопленных печей» (Романов, 1991, с. 17) и т. д. Можно отметить, что одним из способов введения аромата как художественной подробности становится создание ароматических оппозиций: автор использует либо начальный и конечный запахи, чтобы передать многоэтапность процесса, либо противопоставляет определённые запахи, чтобы создать сложную образную систему.

Так как представление о запахах у большинства людей заложено в памяти на уровне образных ассоциаций, то задача писателя сводится к тому, чтобы лишь намекнуть, напомнить (с помощью «фокусных точек»). Далее читатель сам вспоминает условия возникновения аромата. Воображение создает необходимую картину. П. Романов отмечал: «Если читатель увидит картину, какую Вы нарисовали, то ему даже не нужно подсказывать чувство. Оно само появится у него» (РГАЛИ. Фонд 1281. Оп.1. Ед.хр.94 л.2). П. Романов использовал эти

ольфакторные включения (по Зыховской Н.Л., ольфакторный – «имеющий отношение к обонянию, восприятию запахов» (Зыховская, 2015, с. 85)), чтобы текст продолжался в ассоциативном восприятии читателя. Так автор сможет быть кратким, не упуская образности текста: «На пчельнике запахло дымом. Никифор в сетке, с большим ножом в руках, возится около ульев и достает к медовому спасу тяжелые рамки нового душистого меда» (Романов, 1991, с. 124). Всего два предложения, содержащие авторский способ акцентных художественных деталей – ароматических подробностей, заменяют длинное описание подготовки к забору меда и самого процесса. Пчеловоды используют дым при заборе меда, чтобы отпугнуть пчёл. Аромат дыма выступает стартовой «фокусной точкой» для передачи длительного процесса. Конечной точкой становится аромат меда, ассоциированный с образом православного праздника и знакомыми герою пейзажами. Стоит заметить, что запахи резко контрастируют между собой: запах дыма и запах душистого меда. Именно два сильно отличающихся запаха дают изображению объёмность и зримость при максимальной краткости.

Для того чтобы выразить менее знакомый запах, П. Романов поступает наоборот: он даёт условия, его вызывающие (с помощью «фокусных точек»), а далее у читателя подключаются память и воображение: «На дворе все побелело – крыши, навесы конюшни, сруб колодца, – всё покрылось свежим, пухлым слоем молодого снега. Висячие ветки березы перед окном, все осыпанные блестящим белым инеем, пригнулись еще больше книзу под его тяжестью. В комнатах стало по-зимнему светло, а от рам по-новому пахло зимой» (Романов, 1991, с. 15–16). Сложный, многокомпонентный запах зимы передан с помощью акцентов: свежести выпавшего снега, колкости морозного воздуха, который покрывает деревья инеем, и запаха вторых деревянных оконных рам, вставляемых на зиму. Через ряд ароматических подробностей создаётся образ зимнего обновления, свежести, нового этапа календарного года, отчего следует выделять ароматический ореол образа зимы.

Запах у П. Романова может передавать радость от полноты жизни, вкуса, молодости: «Подойдешь, пороешься, выберешь самое зрелое яблоко, обнюхаешь его со всех сторон и начинаешь есть с того места, где оно сильнее пахнет» (Романов, 1991, с. 138–139). Пребывая в таком состоянии, юный герой постоянно бежит «то в сад, то в подвал, чтобы принюхаться к свежему аромату только что снятых и сложенных яблок» (Романов, 1991, с. 139).

Надо отметить, что у П. Романова обоняние чаще всего используется не само по себе, а оно переплетено с другими органами чувств. В данном примере акцентируется внимание на зрении и можно даже сказать осязании (признак «пухлый» (о снеге) помимо зрительного имеет еще и осязательный оттенок). Общая функция использования различных ароматов, встречающихся в повести, – создание нужного образа или усиление впечатления от нарисованной картины. Запах является связующим элементом между авторским текстом и сознанием читателя.

Например, в двадцатой главе «Детства» дополняется утренний пейзаж: «И в лицо на шибкой рыси потянет медовым запахом луговых трав и ветерком летнего, почти безоблачного утра» (Романов, 1991, с. 89). Аромат летнего утра состоит из медовых, травянистых и влажно-свежих нот. Герой ощущает аромат, проносясь по лугу ранним утром. Последовательное введение компонентов утреннего запаха усиливает динамику сцены и восторг героя.

Вернемся к тезису об использовании П. Романовым ароматических оппозиций с целью передачи образной системы художественного произведения. Ярким примером такому выступает созданное ольфакторное пространство чердака: «Мы взобрались по узенькой

крутой лестнице, на которой всегда пахнет голубями и кошками» (Романов, 1991, с. 79). Запах «голубей и кошек» ассоциирован с заброшенностью, с нежилым помещением, где хранятся ненужные в хозяйстве вещи. Это ярко контрастирует с общим запахом дома, в котором обычно пахнет едой, теплом, жизнью. Так акцент на чердачном запахе призван противопоставить заброшенность - уюту, пустоту – динамике жизни. Мы видим, что образы оказываются в оппозиции на уровне запаха, то есть автор противопоставляет не только сами помещения, но и их ароматические ореолы.

Условно запахи, встречающиеся в «Детстве», можно разделить на две категории: предметный и непредметный мир. Первый делится на принадлежащие живой природе (луговые травы, цветы, деревья, животные и птицы) и неживой (белье, мебель, предметы быта, материалы). Рассмотрим принадлежащий к последней группе «запах дома» (Романов, 1991, с. 37). Помимо вышеупомянутой функции художественной выразительности добавляется еще и символичность значения. Дом воспринимается главным героем как защита, крепость, где все отлажено, понятно и знакомо. «Милый, милый дом» (Романов, 1991, с. 141) – с такой нежностью думает о нем юный герой. Запах дома несет оттенок патриархальности, консервативности. Герою не хочется его покидать. Со щемящей тоской он наслаждается ароматами сирени и жасмина, которые передают «всю прелесть и роскошь летних утр, майских теплых вечеров» (Романов, 1991, с. 146).

Дом словно выправляет то греховное, наносное (общение с деревенским Васькой), которое привносится из пространства за его пределами, и то, что появляется в мальчике по мере взросления. Избавиться от состояния тяжести в душе, греховности помогает церковная жизнь, которая организует уклад дома, выстроенный в соответствии с крупными церковными праздниками и постами: «Когда наступали праздники и мы ходили причащаться и чувствовали себя безгрешными, это чувство было так хорошо, что я подумал: должно быть, мы стали святыми» (Романов, 1991, с. 76).

Кроме церкви, очищению способствует и баня с ее запахом «нагревшейся смолы» (Романов, 1991, с. 36). Хвоя очищает негатив на ментальном уровне. Стоит заметить, что после очищения в бане юный герой, возвращаясь в состояние безгрешности, может со всей полнотой почувствовать запах дома, получающий символическое значение. И этот аромат ему приятен: «Придя домой, я долго ходил и принюхивался к странному, приятному после бани запаху дома» (Романов, 1991, с. 37). У П. Романова в «Детстве» дом (двор тоже относится к образу дома) пахнет «дымом от затопленных печей» (Романов, 1991, с. 17) или на масленичной неделе «блинным чадом» (Романов, 1991, с. 65).

После бани (физического очищения) акцент делается на том, что дым, который является запахом дома, теперь смешивается с запахом свежести и начинает пахнуть «по-новому». Этот аромат приятен герою: «хорошо пахнет» (Романов, 1991, с. 17). Помимо элемента художественной выразительности текста, открывается новое понимание смысла произведения: в состоянии душевной чистоты (в воздухе пахнет свежестью, морозом) герой острее чувствует связь с домом. Аромат дома ему приятен. Он дарит спокойствие и защиту.

Ароматы непредметного мира — это то, что нельзя потрогать, можно только почувствовать (запахи зимы, весны, мороза, утренней прохлады, дыма). Для них еще в большей степени характерна символичность. Старшие братья и сестры, приехав на каникулы, привносят с собой элементы другой, незнакомой малышам жизни. Младшие дети «стали обнюхивать углы чемодана, от которого приятно пахло какой-то новизной» (Романов, 1991, с. 27). Такой же аромат был и раньше: «Помнишь, нам в прошлом году привезли подарки из Москвы: от них

точь-в-точь так же пахло» (Романов, 1991, с. 27). Аромат новизны ассоциируется с подарками из Москвы, поэтому у юного героя он вызывает радость, восторг. Первоначально аромат новизны манил главного героя своей загадочностью, подарками, ощущением, что в Москве старшие братья и сестры постоянно пребывают в состоянии счастья, «предвкушением новизны и приближением к миру больших» (Романов, 1991, с. 143). Но в дальнейшем он, как признак незнакомой взрослой жизни, приобретает оттенок «страха, печали, - оттого, что в первый раз приходится покидать родной дом, где было так хорошо» (Романов, 1991, с. 143).

Запах дома вобрал в себя аромат старины: «В буфетных ящиках всегда держится какой-то особенный, приятный запах. Когда приезжаешь после долгого отсутствия иходишь в дом, то, прежде всего с радостью чувствуешь этот буфетный запах. Пахнет чем-то старинным – давно лежащей там ванилью в пожелтевшей бумажке, чаем и еще чем-то удивительно приятным...» (Романов, 1991, с. 70). Этот аромат старины сопряжен с преемственностью традиций, с патриархальным укладом жизни в доме героя.

Нельзя оставить без внимания запах свежести. У него может быть уже знакомая нам функция «напоминания» в пейзажной зарисовке: «...Сидишь, прислушиваешься ко всем утренним звукам, вдыхаешь аромат свежести и росы» (Романов, 1991, с. 88). Аромат свежести чаще подмечается героем в детские годы (в начале повести), когда у него было меньше грехов. По мере взросления, при переходе из детства в отрочество (а время, описанное в «Детстве» – девять месяцев, выбрано неслучайно: столько созревает дитя в утробе матери и потому столько длится переход от безмятежного детства к отрочеству героя), запах свежести возникает только в период избавления от грехов, когда возвращается состояние безмятежной легкости и беспричинного счастья. А далее этот же запах свежести станет выполнять роль символа: «В саду так хорошо, стоит аромат яблоневого цвета, сырой земли, так напоено все весенней свежестью и радостью, что, если бы я не очистился от грехов, мне не было бы здесь места» (Романов, 1991, с. 80). Запах свежести ассоциирован с природой. Именно соприкосновение с ней дарит чистоту, выправляя человека: «Как хорошо небо после грозы, как хорош освеженный воздух и как чиста душа, как будто омылись все грехи, все дурное, что накопилось в ней за душный летний день» (Романов, 1991, с. 106). Надо отметить, что этот приятный герою запах свежести будет сопровождать его на протяжении всего произведения. К нему он будет так стремиться. Юный герой понимал, что «зло и грех постепенно омрачают всю радость жизни», делают человека «недостойным и неспособным с открытой душой наслаждаться всей прелестью мира божьего» (Романов, 1991, с. 106). Символично, что запах свежести появится в Великую субботу перед Пасхой (за время Великого поста произошло очищение человека): «Свежеющий воздух был чист, темнеющее небо ясно, а на душе так же счастливо и чисто, как в этом глубоком и высоком небе» (Романов, 1991, с. 72). Запах свежести возникнет и в Троицын день. Утро в этот праздник «было свежее» (Романов, 1991, с. 109). Свежесть будет появляться и во время молитвы. В молитве происходит воссоединение с Богом, а, значит, очищение: «Дядюшка только что умылся свежей ключевой водой и молился в зале у раскрытого в сад окна, - оттуда тянуло утренней прохладой» (Романов, 1991, с. 82). Интересно отметить, что пространство свежести окутывает человека во время молитвы. Он молится, значит, очищается, и свежесть доносится из раскрытого окна, из природы, так как соприкосновение с ней дарит чистоту.

Запах свежести сопровождает не только пейзажные зарисовки и состояния духовных исканий, но и после бани: «...Свежий морозный воздух как-то особенно хорошо пахнул после горьковатого банного духа» (Романов, 1991, с. 37). На Троицу в доме будет стоять запах

«свежескошенной травы», так как здесь живут люди воцерковленные, почитающие Бога: «Ходишь по комнатам и принимаешься к ее (березы) свежему запаху» (Романов, 1991, с. 110).

Безусловно, запах свежести будет и в церкви на праздник Святой Троицы: «...Стоит тот же приятный запах свежескошенной травы, березовых веток и кадильного дыма» (Романов, 1991, с. 110). Здесь акцент на фокусных точках – запахах травы, березовых веток и кадильного дыма. Запахи травы и веток образуют единый аромат, с которым контрастирует запах кадильного дыма. Такой прием, по наблюдениям Карасева Л.В., часто встречается у А.П. Чехова, использующего обычно не более двух контрастных запахов (Карасев, 2013, с. 147). А если запахов три, то, как правило, два из них смешиваются. Этот прием помогает дать более объемное изображение и моментально «напоминает» известный православный праздник и ощущения героя в этот день.

Обобщим рассмотренные примеры и составим систему запахов в произведении. В «Детстве» можно выделить три самых ярких запаха: запах свежести и травы (часто даются вместе как единый запах), запах меда и запах дыма. Так, запах травы и свежести ассоциируется с природным духом. Это пространство рая и Бога, где юный герой чувствует себя безгрешным, все лучшее и духовно чистое он черпает из этого запаха. И к нему всегда стремится: «Мы летаем от одной копны к другой и с разбегу бросаемся в душистое, свежее сено и тонем в нем» (Романов, 1991, с. 122). Так как это пространство связано с безгрешным состоянием героя и является нравственно очищающим, совершенным, потому что здесь нет людей с их страстями и грехами, то мы можем сделать вывод, что природа вокруг дома должна восприниматься как рай. Он может быть уничтожен человеческими грехами. Это и в буквальном смысле варварское разрушение природы: «избиение воробьев, лягушек» (Романов, 1991, с. 106) и в то же время потеря благостного состояния за счет душевной нечистоты.

Запах меда — это производное от запаха травы. Мед ассоциирован со сладостью жизни, с истинной чистой, безгрешной жизнью, с самыми яркими проявлениями блаженства. Например, он присутствует в райской природе в виде «запахов каши и цветущей медовой гречихи» (Романов, 1991, с. 13), в виде обсыпанных «желтой медовой пылью» сережек раkit (Романов, 1991, с. 80), в виде «свежего запаха первых яблок» (здесь запах свежести накладывается на запах меда), когда достают рамки душистого меда на пчельнике или выпивают рюмку медовухи в праздник и в других примерах.

Пространство дома ассоциировано с пространством дыма, блинного чада, что равнит его с пространством церкви, где пахнет кадильным дымом и запахом травы. Запах травы, переплетающийся с запахом березовых веток, — это райская природа. А дым становится символом жизни и труда, символом действий человека во славу Бога. Люди окуривают кадильным дымом пространство церкви. Так показан молитвенный труд в доме Бога. И такое же окуривание происходит в доме во время работы, когда топят печи или что-то готовится. Это запах труда, праведной человеческой жизни, угодной Богу. Такая жизнь сосредоточена в доме с патриархальным укладом. Дым в доме и кадильный дым в церкви можно рассмотреть и как нематериальное пространство, где идет духовная борьба человека со своими страстями. Дым на пчельнике — это символ жизни в труде у пчел. Образ дыма выступает соединяющим звеном между пространством Бога и пространством людей. Здесь люди соприкасаются с Богом. Так мы приходим к выводу, что патриархальный дом в повести Пантелеймона Романова «Детство» на уровне запаха и ассоциаций равен пространству церкви, т.е.

богоугодному дому. Пространства дома и церкви оказываются родственными пространствами.

Рассмотренные ранее дым на пчельнике и сбор душистого мёда тоже оказываются источниками к пониманию глубинного смысла произведения. От травы, которая ассоциирована с природой, с пространством рая, через труд, т. е. через дым, человек получает сладость жизни — мед. Нужно отметить, что смола (например, так пахнет в бане) — это квинтэссенция травяного духа, мед в какой-то степени тоже проявление травяного духа.

Очевидно, что Пантелеймон Романов трижды выдает схожую схему. В пространстве дома дым ассоциирован с трудом, а так как дом с патриархальным укладом, с русскими традициями почитания Бога, то труд еще воспринимается и как духовная работа над грехами. В церкви кадильный дым — это молитвенный труд и опять же духовная работа над грехами. Пчельник, где находятся ульи с медом, — это пространство пчел — Божьих тружеников. Здесь образ дыма передает мысль, что создание меда — дело богоугодное. Дым происходит от бесконечного богоугодного труда. Дым — это приготовление пищи (дом), молитва (церковь) и сбор урожая (пчельник). Дым, чад, кадильный дым — это праведный труд в пространстве рая (в природе и в патриархальном доме, где почитают Бога). Они связаны с богоугодным трудом, трудом праведной жизни. Такой праведный труд приносит прекрасные результаты — сладость жизни. Она ассоциирована с медом. Мед — это высшее проявление райской жизни. От природы исходит запах свежести, соприкосновение с природой очищает человека. Поэтому мальчик интуитивно старается больше бывать на природе: его манит все настоящее — природное. Например, аромат снятых яблок.

Таким образом, П. Романов в повести «Детство» часто выводит на уровень запаха отношение героя к жизни, обстановке, событиям. Он открывает для себя ольфакторное пространство как способ раскрытия психологизма героя.

П. Романов не мог не использовать при создании художественного текста и приемов, построенных на осязательных рецепторах: «...На деревне еще тишина, прохладная утренняя тень и обильная роса, которая держится даже на железных обручах водовозок, стоящих под раkitами» (Романов, 1991, с. 88). Цель использования такая же, как и у ранее упомянутых органов чувств — создание яркого зримого образа, вызывающего у читателя собственные ассоциации, что также увеличивает художественную достоверность текста, так как тогда читатель начинает верить не писателю, а самому себе. В этом случае опять «срабатывает» романовское «напоминание». В качестве примера рассмотрим, как дети чистили миндаль: «...Приятны его гладкие белые зерна. Его сначала обольют кипятком, чтобы отстала кожица, потом надавишь двумя пальцами, и миндалина выскакивает из отставшей шкурки. Через пять минут кончики пальцев, промывшиеся в теплой воде, стали у нас чистые и сморщенные, как из бани» (Романов, 1991, с. 71–72). Как правило, у автора «осязательные приемы» используются в сочетании с привлечением других органов чувств: «И шершавый ноздреватый ледок слышнее захрустел под ногами в тихом вечернем воздухе» (Романов, 1991, с. 72) (осязание и слух). В описании летнего полдня переплелись обоняние, осязание, слух и зрение: «...Вся природа разомлела от жары, от душного аромата вянувших трав, от раскалившихся замолкших дорог с пышной, горячей пылью, которую иногда подхватывают и крутят вихри. Даже в тени под деревьями нет прохлады, трава суха и в ней нет влаги». (Романов, 1991, с. 92). Сочетание в ореоле образа двух и более элементов чувственного восприятия позволяет добиться объёмности, выпуклости, насыщенности самого образа. Предмет или тоpos

становится более осязаемым, потому что начинает существовать в восприятии читателя сразу в нескольких пространствах, не только на уровне осязания или зримости.

В «Детстве» П. Романов обращается и к вкусовым рецепторам. Иногда это единичное упоминание: «...Под кустами лугового ивняка поставлены принесенные кувшины с кислым квасом, заткнутые сверху полотенцем или лопухом» (Романов, 1991, с. 122). Но чаще в повести встречается развернутое детальное описание: «В гостиной на большом столе всё время ставят всевозможные закуски в откупоренных с отогнутыми крышечками жестянках, на круглых и на узеньких длинных тарелках нарезанная кружочками копченая и вареная колбаса, огромный кусок сочного маслянистого сыра, красные, красиво наложенные краешками один на другой, ломтики семги, окорок ветчины и стопочка маленьких тарелочек» (Романов, 1991, с. 49). Романов обращается к вкусовым рецепторам, когда пишет о происходящей духовной работе над собой. В традиционном патриархальном укладе России заложено следование церковным традициям. Церковный календарь выступает организующим элементом быта. Например, Романов отмечает, что начало великого поста сразу же отразилось на общей атмосфере дома и трапезе всех членов большой семьи: «К чаю подают уже не сдобный хлеб и сливки, а вазу варенья и сухие баранки. Только и утешает одна халва» (Романов, 1991, с. 67). Обращение к вкусовым и зрительным рецепторам в данном случае активизирует в памяти читателя воспоминания православных праздников (Рождества, Пасхи), а также пасхального поста и сбора урожая. Оно помогает читателю глубже погрузиться в прелесть мелкопоместного быта русской усадьбы. В целом же функции употребления данного приема аналогичны тем, которые обусловлены другими органами чувств.

Заключение

Подведем итоги исследования. В результате работы выяснилось, что особенно ярко «Детство» существует на уровне специфических запахов. Они составляют особое пространство, в которое автор заложил ценностное отношение. Существует отдельный мир запахов, который можно четко разделить на определенные ценностные элементы. Пантелеймон Романов на уровне запаха изобразил духовный путь героя, его нравственный выбор, осознание им истоков своей нравственности. Кроме того, развитие ольфакторного пространства является способом раскрытия психологизма героя.

Установлено, что насыщение ореола образа чувственно воспринимаемыми элементами, то есть создание ольфакторного, осязательного, вкусового пространств вокруг объекта описания, является одним из значимых художественных методов в повести «Детство». Так, использование приемов, основанных на обонятельных, осязательных и вкусовых рецепторах, позволило П. Романову создать яркие художественные образы, близкие широкому кругу читателей. Это не только оживило само произведение, но и увеличило его художественную достоверность, а писателю позволило быть кратким, немногословным.

Список источников / References

1. Ануфриева, А.А. (2024). Ольфакторная поэтика А.П. Чехова (проза 80-х гг.). *«Universon»: филология и искусствоведение*, 5(119), 16–18. <https://doi.org/10.32743/UniPhil.2024.119.5.17466>

Сотникова И.В. (2025)
Чувственное восприятие как способ создания образа в
повести Пантелеймона Романова «Детство»
Язык и текст, 12(3), 64—76.

Sotnikova I.V. (2025)
Sensory perception as a way of creating an image in
the story "Childhood" by Panteleimon Romanov
Language and Text, 12(3), 64—76.

- Anufrieva, A.A. (2024). Olfactory poetics of A.P. Chekhov (prose of the 80s). *"Universum": Philology and Art History*, 5(119), 16–18. (In Russ.).
<https://doi.org/10.32743/UniPhil.2024.119.5.17466>
2. Бельская, А.А. (2017). «Новь» И.С. Тургенева: одоропоэтика женских образов романа. *Ученые записки ОГУ. Гуманитарные и социальные науки*, 4(77), 44–54.
Belskaya, A.A. (2017). "Nov" by I.S. Turgenev: odoropoetics of female images of the novel. *OSU Scientific notes. Humanities and social sciences*, 4(77), 44–54. (In Russ.).
  3. Бельская, А.А. (2015). «Ольфакторные коды» героинь романов И.С. Тургенева 1850-х годов. *Ученые записки ОГУ. Гуманитарные и социальные науки*, 6, 97–107.
Belskaya, A.A. (2015). "Olfactory Codes" of the heroines of I.S. Turgenev's novels of the 1850s. *OSU Scientific notes. Humanities and social sciences*, 6, 97–107. (In Russ.).
  4. Головачева, А.Г. (2013). Поэтика запаха в творчестве А.П. Чехова: от «Степи» к «Ионычу». *Литература в школе*, 10, 17–20.
Golovacheva, A.G. (2013). The poetics of smell in the works of A.P. Chekhov: from "Steppe" to "Ionych". *Literature at school*, 10, 17–20. (In Russ.).
  5. Зыховская, Н.Л. (2012). Запах женщины: эволюция ольфакторной темы от древнерусской литературы до 1830-х годов. *Челябинский гуманитарий*, 2(19), 48–52.
Zyhovskaya, N.L. (2012). The smell of a woman: the evolution of an olfactory theme from ancient Russian literature to the 1830s. *Chelyabinsk Humanities*, 2(19), 48–52. (In Russ.).
  6. Зыховская, Н.Л. (2016). *Ольфакторий русской прозы XIX века*: дисс. ... докт. филол. наук. Екатеринбург.
Zyhovskaya, N.L. (2016). *Olfactory of Russian prose of the 19th century*: Diss. ... Dr. Sci. (Philology). Yekaterinburg. (In Russ.).
  7. Зыховская, Н.Л. (2015). Ностальгия по прошлому через призму ольфакторной образности (на материале русской прозы XIX в.). *Вестник ЧелГУ*, 27 (382), 85–90.
Zyhovskaya, N.L. (2015). Nostalgia for the past through the prism of olfactory imagery (based on the material of Russian prose of the 19th century). *Bulletin of ChelSU*, 27 (382), 85–90. (In Russ.).
  8. Карасев, Л.В. (2013). Запахи и звуки у Чехова: власть приема. *Новый мир*, 11, 149–159.
Karasev, L.V. (2013). Smells and sounds in Chekhov: the power of reception, *New world*, 11, 149–159. (In Russ.).
  9. РГАЛИ. Фонд 1281. Оп. 1. Ед. хр. 65–72.
RGALI. Fund 1281. Op. 1. Ed. hr. 65-72. (In Russ.).
  10. РГАЛИ. Фонд 1281. Оп. 1. Ед.хр. 94.
RGALI. Fund 1281. Op. 1. Ed.hr. 94. (In Russ.).
  11. Рогачева, Н.А. (2010). *Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX-XX вв.: проблемы поэтики*. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета.

Сотникова И.В. (2025)
Чувственное восприятие как способ создания образа в
повести Пантелеймона Романова «Детство»
Язык и текст, 12(3), 64—76.

Sotnikova I.V. (2025)
Sensory perception as a way of creating an image in
the story "Childhood" by Panteleimon Romanov
Language and Text, 12(3), 64—76.

- Rogacheva, N.A. (2010). *The olfactory space of Russian poetry of the late XIX-XX centuries: problems of poetics*. Tyumen: Publishing House of Tyumen State University. (In Russ.).
12. Романов, Пантелеймон Сергеевич (1884–1938). Наука зрения: [сборник работ] (2007). Москва: Совпадение.
Romanov, Panteleimon Sergeevich (1884–1938). Science of vision: [collection of works] (2007). Moscow: Coincidence. (In Russ.).
13. Романов, П. (1991). Яблоневый цвет. Москва: Советская Россия.
Romanov, P. (1991). The apple blossom. Moscow: Soviet Russia Publ. (In Russ.).
14. Сотникова, И.В. (2009). «Пахнет чем-то старинным...». О повести П.С. Романова «Детство». *Русская речь*, 5, 41–43. <https://doi.org/10.7868/S70000621-8-1>
Sotnikova, I.V. (2009). "It smells like something old...". About the story of P.S. Romanov's "Childhood". *Russian speech*, 5, 41–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.7868/S70000621-8-1>
15. Ханинова, Р.М. (2012). Ольфакторное пространство в рассказах Исаака Бабеля. *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*, 2, 178–182.
Khaninova, R.M. (2012). Olfactory space in the stories of Isaac Babel. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences*, 2, 178–182. (In Russ.).

Информация об авторе

Ирина Вячеславовна Сотникова, соискатель кафедры русской и зарубежной литературы, факультет русской филологии, Государственный университет просвещения (ГУП), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-4990-5205>, e-mail: irensot14@yandex.ru

Information about the author

Irina V. Sotnikova, Candidate of the Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Russian Philology, Federal State University of Education (SUE), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-4990-5205>, e-mail: irensot14@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.08.2025
Поступила после рецензирования 28.08.2025
Принята к публикации 10.09.2025
Опубликована 25.09.2025

Received 2025.08.01
Revised 2025.08.28
Accepted 2025.09.10
Published 2025.09.25